

Ю. Н. Чумаков и русский стихотворный роман

Ю. В. Шатин

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

Аннотация. В статье делается попытка оценить вклад известного филолога Ю. Н. Чумакова в исследование текстовой и жанровой специфики «Евгения Онегина». Автор статьи полагает, что результат этих исследований во многом определялся методом ученого, который предпочитал сосредоточиться на микроэлементах текста и лишь затем экстраполировать выводы на макроуровни и крупные структурные блоки. При анализе «Евгения Онегина» Ю. Н. Чумаков убедительно показал семиотические особенности текстовых границ, связанные с их плотностью и маркированностью. В итоге ученому удалось установить принцип динамического равновесия двух независимых и нераздельных миров автора и героя, а также выявить оригинальный принцип построения финала, который существует как оконченность в форме неоконченности. Значительное место в размышлениях Ю. Н. Чумакова занимал вопрос о генезисе основной клеточки стихотворного романа – онегинской строфе. В начале 1980-х гг. автору настоящей статьи он подал идею о поиске квазистроф в произведениях, созданных до начала работы над Онегиным. В результате были обнаружены «скрытые» одические децимы и онегинская строфа в «Руслане и Людмиле». Позже выяснилось, что примерно за 10 лет до появления замысла романа 14-стишная строфа, аналогом которой стала организация «Евгения Онегина», была обнаружена в творчестве старшего современника Пушкина.

Шатин Ю. В. Ю. Н. Чумаков и русский стихотворный роман // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 42–51.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 2
© Ю. В. Шатин, 2017

на – П. И. Шаликова. Вместе с тем, согласно исследователю, принцип текстового построения «Евгения Онегина» определил устойчивую жанровую модель стихотворного романа, оказавшую влияние на творчество поэтов XIX–XX вв., начиная от «Евгения Вельского» М. И. Воскресенского до «Спекторского» Б. Л. Пастернака.

Ключевые слова: стихотворный роман, плотность, маркированность, жанровая модель, онегинская строфа.

УДК 81.42

Контактная информация: Шатин Юрий Васильевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия), профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, shatin08@rambler.ru)

Юрий Николаевич Чумаков был отличным шахматистом. Многократно наблюдая за его игрой, легко было заметить полное равнодушие к результату партии, который полностью поглощался и выносился за скобки интересом к самому процессу. Процессуальность мышления – пожалуй, важнейшая черта, характерная для исследователя, оказавшая решающее воздействие на его творения. Абсолютное большинство филологов выбирают либо дедуктивный путь изучения художественного текста, накладывая на его структуру уже существующие теоретические схемы, либо индукцию, по капельке собирая факты и сооружая из них подобие некоторой системы. Метод Ю. Н. Чумакова чужд и тому и другому. Он представляет собой чистую абдукцию, связанную с интуитивным выбором гипотезы с последующими учетом максимального числа вариантов, их тщательным отбором и комбинациями, которые и превращали исходное предположение в сложное филологическое построение.

«Анализ художественного текста, – утверждал он, характеризуя свою манеру работы, – может начинаться с любого места, сосредоточиваться на микроэлементах инфраструктуры... но результат анализа претендует быть гораздо более объемным и объемлющим, будучи экстраполирован на макроуровни и крупные структурные блоки» [Чумаков, 1983, с. 3]. По его собственному признанию, в литературном тексте он более всего ценил ощущение неразвернутых возможностей, потенциальной напряженности и свободы выбора. И здесь его встреча с русским стихотворным романом и образцом этого жанра «Евгением Онегиным» оказалась почти неизбежной. Пушкинский текст покорила исследователя не столько энциклопедизмом национальной жизни и широтой охвата жизненного и литера-

турного материала, сколько необычностью своего текстового строения, сочетающего сферическое построение и концепцию «расщепленной действительности», « в которой миры автора и героя как бы слегка выдвинуты друг из друга, демонстрируя нераздельность и неслиянность творца и творения» [Чумаков, 1983, с. 85].

Как известно, семиотические границы текста характеризуются двумя качествами: плотностью, т. е. способностью проникновения в текст материала внеположенного ему мира, и маркированностью, которая устанавливает абсолютный, либо относительный художественный смысл начала и конца. «Евгений Онегин» сочетает минимальную плотность и максимальную открытость таких границ. Особенности такого расположения границ породили две исследовательские проблемы, одна из которых связана с соотношением автора и героя в стихотворном романе, а другая – с тем, насколько опубликованный текст можно считать окончанным. Совершенно естественно, что оба вопроса оказались в фокусе внимания Ю. Н. Чумакова.

В интерпретации места и значения образа автора отчетливо прослеживаются две противоположные тенденции: полного отождествления автора с реальным Александром Сергеевичем Пушкиным, нашедшее выражение главным образом в школьных учебниках, и более новая, утверждающая, что автор вовсе не является Пушкиным. В реальности обе точки зрения существенно упрощают проблему. Образ автора в «Евгении Онегине» подчинен внутренней динамике, а его развитие по мере развертывания сюжета напоминает движения маятника, то приближающегося к биографической точке, но никогда с ней не смыкающейся, то столь же максимально удаляющейся от нее. Игра на постоянном сближении и удалении от внетекстового пространства как раз и обуславливается минимальной плотностью текстовых границ.

В своем анализе Ю. Н. Чумаков убедительно доказал, что «система жанровых признаков “Евгения Онегина” как романа в стихах основывается на динамическом равновесии двух независимых и нераздельных миров автора и героя» [Чумаков, 1999, с. 68]. Подобная диалектика проявляется, по мысли ученого, со стороны композиции, сюжета, способа повествования и системы образов и со стороны стилистики и стиха.

Еще более сложным в пушкинистике XX в. оказался вопрос об окончанности либо неоконченности пушкинского стихотворного романа. Сегодня можно утверждать, что именно исследования Ю. Н. Чумакова в значительной степени положили конец этим спорам или перевели проблему неоконченности в область околонучной беллетристики. Основной тезис ученого звучит как предусмотренность внефабульного построения «Онегина». Отсюда и парадоксальное существование текста как окончанности в форме неоконченности. Фабула – только одна из составляющих текста, сближающая его с жанром поэмы; авторские отступления, примечания,

эквиваленты строф (по терминологии Ю. Н. Тынянова), напротив, призваны подчеркнуть дьявольскую разницу между стихотворным романом и смежными с ним стихотворными и прозаическими литературными видами. Согласно концепции литературоведа, противоречивая полнота оконченности в форме неоконченности проявляется на всех уровнях начиная со стихотворных примечаний, которые «представляют, как и в стиховых формах, ступенчато построенный образ автора, выступающего то подлинным творцом – демиургом, то наивным и простоватым рассказчиком [Чумаков, 1983, с. 18], и кончая целым, благодаря которому «“Онегин” написан стихами, прозой и значимой пустотой» [Там же, с. 84]. Максимальная открытость границ стихотворного романа позволяет, таким образом, передвигать временные и пространственные пласты повествования и вместе с тем, подчеркивают условность начала и конца текста как важнейшего признака «дали свободного романа», пропущенного сквозь магический кристалл.

Уникальность структуры «Евгения Онегина» проявляется, в частности, и в том, что он не имеет однозначно выраженной ретроспективы, т. е. образа, по которому он мог бы быть скроен, но порождает важнейшую перспективу, собственно, и придающую стихотворному роману статус нового жанрообразования. Как раз в изучении пушкинской традиции и ее последующих трансформаций наиболее полно проявилось аналитическое мастерство Ю. Н. Чумакова. Будучи прекрасно осведомленным о достижениях структурно-семиотического метода, исследователь отчетливо ощущал пределы его возможностей в истолковании художественного текста. Однажды, полушутя, я спросил Юрия Николаевича, как он относится к утверждению Ю. М. Лотмана, что ихтиолог не обязан быть рыбой. Подумав, он ответил, что не совсем согласен с этим тезисом. В результате обсуждения мы пришли к заключению, что предками ихтиологов всё же были рыбы, а не обезьяны, как у остальных людей.

При исследовании структуры пушкинского стихотворного романа Ю. Н. Чумаков не мог обойти вниманием вопрос о роли первичной клетки – онегинской строфы. В начале 1980-х гг. известный новосибирский философ В. П. Тыщенко и я были увлечены идеей Андрея Белого о соотношении основных концептов стихотворного текста с расположением повторов и контрастов, образующих специфику ритмической композиции. Как известно, важные положения этой теории были сформулированы Белым в его книге «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» (1929) и встретили неоднозначную реакцию исследователей. Стиховеды старшего поколения (Б. И. Ярхо, Б. В. Томашевский, Л. И. Тимофеев, В. Е. Холшевников) негативно отзывались о самом принципе связи формальных свойств ритма с тем или иным лирическим мотивом. Филологи более молодой генерации (С. И. Гиндин, О. Н. Гринбаум) с некоторыми оговорками признавали подход Белого верным и перспективным. Компромиссную по-

зицию в полемике занял М. Л. Гаспаров, предположивший, что «из «Ритма как диалектики» вырастет стиховедение завтрашнего дня, хотя при этом отпадут все дорогие Белому «ритмические жесты» [Гаспаров, 1988, с. 460].

Ю. Н. Чумаков принадлежал к числу скептиков и без особого энтузиазма относился к нашим с В. П. Тыщенко изысканиям. В свою очередь, он подсказал нам другую, весьма перспективную идею, которая заключалась в поиске следов онегинской строфы до начала работы над романом (1823). В это время общепризнанной считалась точка зрения Гаспарова, согласно которой «онегинская строфа была вполне оригинальным созданием Пушкина: ни в русской, ни в европейской поэзии подобных 14-стиший не было в ходу» [Гаспаров, 1984, с. 154].

Ю. Н. Чумаков предложил искать истоки онегинской строфы в так называемых квазистрофах и постараться обнаружить их в текстах Пушкина и его старших современников до 1823 г. Под квазистрофами в стиховедении понимаются вкрапления сложных строфических построений в астрофические формы больших стихотворных текстов. Современное понимание строфики метафорически может быть уподоблено строению материи Вселенной, которая наряду с твердыми формами и газообразными состояниями включает в себя игру физических полей и сил, отличающихся от вещественных образований. Рассматривая астрофические композиции в текстах большого объема (т. е. объема, превышающего самую длинную из возможных строф – 16 стихов), можно говорить о «спрятанных» в бесформенном нагромождении строк урегулированных строфических новообразований. Иногда такие образования носят случайный характер и не связаны с планом содержания, который Б. В. Томашевский называл жанрово-тематическим наполнением строфы. Вместе с тем весьма часто такие вкрапления имеют отчетливо выраженный знаковый характер, без учета семиотики которого смысловое восприятие текста существенно обедняется.

Обратившись к крупным стиховым формам Пушкина, мы легко обнаруживаем в них замаскированные децимы, октавы и даже онегинские строфы. Едва ли не самым первым случаем здесь можно считать «спрятанную» в «Руслане и Людмиле» онегинскую строфу, появившуюся почти за 3 года до начала работы над романом.

Бледнела утренняя тень,
Волна серебрилась в потоке.
Сомнительный рождался день
На отуманенном востоке,
Яснели холмы и леса,
И просыпались небеса.
Ещё в бездейственном покое
Дремало поле боевое;

Вдруг сон прервался: вражий стан
С тревогой шумною воспрянул,
Внезапный крик сражений грянул;
Смутилось сердце киевлян;
Бегут нестройными толпами
И видят: в поле меж врагами...

Вполне возможно, что онегинская квазистрофа родилась в данном случае в результате случайной комбинации рифмовок, не связанных со структурой будущего романа, доказательством ее непреднамеренного характера является синтаксическая незавершенность периода, а также отсутствие сколько-нибудь внятного тематического наполнения.

Сложнее оказалась в «Руслане и Людмиле» судьба одической децимы с классической рифмовкой ababccdeed. В поэме такие вкрапления встречаются 17 раз. В двенадцати случаях связь строфы и с жанровым кодом оды установить достаточно сложно. В то же время в пяти оставшихся примерах такая связь налицо. Четыре из них полностью соответствуют тематике и пространственно-временным планам одического жанра и при их сложении образуют виртуальный лирический сюжет: в первом случае речь идет об окончании пира (экспозиция), затем следует эпизод похищения Людмилы (завязка), в третьем – попытка карлы хитростью овладеть Людмилой, притворившись призраком (кульминация), и, наконец, эпизод, в котором оживший и получивший волшебную силу Руслан громит полчища печенегов. Сцена боя являет при этом чистейший образец героической оды.

На трубный звук, на голос боя
Дружины конные славян
Помчались по следам героя,
Сразились... гибни, басурман!
Объемлет ужас печенегов;
Питомцы бурные набегов
Зовут рассеянных коней,
Противиться не смеют боле
И с диким воплем в пыльном поле
Бегут от киевских мечей.

В позднем творчестве Пушкин уже вполне осознанно обратится к вкраплению одических децим в самые кульминационные моменты сюжета. Так, в «Медном всаднике» децима приходится на эпизод встречи сумасшедшего Евгения с бронзовым кумиром, где и происходит основная транспозиция сюжета поэмы, поскольку, как заметил Р. О. Якобсон, «стихотворение о статуе является... знаком знака или образом образа. В стихотворении о статуе знак (signum) становится темой или обозначаемым объектом (signatum). Преобразование знака в тематический компонент

принадлежит к числу излюбленных формальных приемов Пушкина, и это сопровождается обнаженными и подчеркнутыми противоречиями (антиномиями), которые составляют необходимую, существенную основу любого семиотического мира» [Якобсон, 1987, с. 166].

Высказанная мною гипотеза о внутреннем родстве онегинской строфы скорее с одической децимой, нежели с сонетом, показалась Ю. Н. Чумакову интересной. Позже это предположение получило неожиданное подтверждение. Оказалось, что еще в 1977 г. английский стиховед Д. Смит [Smith, 1977] обратил внимание на образец 14-стишной строфы, созданный по крайней мере за 10 лет до начала работы над романом. Имелось в виду объемное сочинение, принадлежащее перу П. И. Шаликова, с не менее длинным заголовком «Стихи Его Императорскому Величеству государю Александру Первому на бессмертную победу под стенами Лейпцига в октябре 1813 года». Вот одна из строф этого сочинения:

Сошлись бесчисленны полки,
Гортани медны заревели;
От каждой сто смертей руки
Сердца свирепостью кипели –
Одни за Бога, за царей,
Другие за кумир страстей –
Земля стонала, небо тлилось
Иль страшным заревом багрилось.
Текла реками черна кровь –
По них неслися трупов горы.
С явленьем утренней Авроры
И до её господства вновь
Не прерывалась адска сеча,
Сей день в днях битв увековеча.

Как и в «Евгении Онегине» «до-онегинская» строфа Шаликова воспроизводит тот же самый порядок рифм, меняя лишь расположение клаузул: aBaVccDDeFFtGG вместо привычного нашему слуху AbAbCCddEffEgg. К сожалению, автореферат диссертации Смита долгое время оставался неизвестным в России и был введен в научный оборот только в 1996 г. [Сперантов, 1996]. Вот почему большинство исследователей во главе с Гаспаровым продолжали придерживаться традиционной точки зрения, возводящей пушкинскую строфу к сонету, модификацией которой она и считалась.

Сопоставление пушкинского романа и оды Шаликова с учетом поисков в «Руслане и Людмиле» оказывалось важным аргументом в пользу тезиса Ю. Н. Чумакова об «оконченности в форме неоконченности» «Евгения Онегина». Действительно, речевой объем традиционной децимы оказывался недостаточным для сюжетного развития романа, а возможное использование сонета или его модификации было бы невозможным из-за

закрытого характера сонетной структуры, препятствующей органическому переходу от одной строфической единицы к другой. В этой ситуации именно матрица оды Шаликова, расширившая речевое пространство до 14 стихов, вполне могла стать идеальным образцом для становящегося жанра. До сих пор жалею, что не успел обсудить эту гипотезу с Юрием Николаевичем.

Отрицательно относясь к имманентному анализу текста как замкнутой знаковой системы, Ю. Н. Чумаков допускал проникновение личностного момента исследователя, организующего механизм постижения того или иного творения. По сути, его работа с литературным произведением носила феноменологический характер, весьма схожий с принципами рецептивного литературоведения, где «интерпретация – это нескончаемый процесс нашего ориентирования в мире, а литература моделирует этот процесс наилучшим образом, реагируя на вечную изменчивость мира и человека [Изер, 2004, с. 39]. При таком подходе «Евгений Онегин» оказывался не только набором развернутых и неразвернутых возможностей, но и матрицей, которой суждено было реализоваться в разных по широте охвата и глубине мастерства «стихотворно-романных» текстах – от «Евгения Вельского» М. И. Воскресенского до «Спекторского» Б. Л. Пастернака.

Каждый отдельно взятый анализ стихотворного романа, произведенный Ю. Н. Чумаковым, может рассматриваться как маленький шедевр, взятые вместе, они демонстрируют дерево возможностей жанра, ствольной частью которого и служит «Онегин». Не имея возможности писать о каждом образце жанра, остановлюсь лишь на одном примере. «Младенчество» Вяч. Иванова принадлежит к числу наименее исследованных произведений. При обращении к указанному тексту ученый рассматривает его лишь в одном аспекте – пушкинской романной традиции. Но, как это часто случается с талантливыми филологическими работами, удачно выбранный ракурс позволяет за отдельным куском разглядеть художественный масштаб целого. Оконченность под видом неоконченности, заимствованная Ивановым из «Онегина» вместе с уникальной онегинской строфой, приводит к тому, что «читатель сразу вводится в средоточие идеи: перед ним прочтение жизни, которое является частичным преломлением истинной книги бытия, написанной его творцом» [Чумаков, 1999, с. 149].

Исследователь через постижение внутренних потенций онегинской строфы вскрывает двуплановость построения «Младенчества», в котором соединение двух планов – эмпирического и метафизического – достигается неразделенностью конкретных бытовых зарисовок и одновременно высоким эмблематизмом образов. Миня и палимпсест – два полюса, между которыми и располагается поэтический сюжет произведения. Миня фиксирует мгновенность каждого происходящего события. Уложенные в палимпсест воспоминаний, они образуют иной смысл, связанный со взаимобратимостью времени. «В концепции Вяч. Иванова, – пишет ис-

следователь, – прошлое и будущее эквивалентны, и предсказать смысл того, что может определиться в будущем, равно способности вспомнить и восстановить смыслы, сохраняемые памятью» [Чумаков, 1999, с. 151–152]. Таким образом, магический кристалл свободного романа «Онегина» реализуется в «Младенчестве» в принципе саморазвертывания, или точнее, того, что в современной терминологии называется автопоэзисом сюжета.

В предисловии к «Стихотворной поэтике Пушкина» Ю. Н. Чумаков точно уловил соотношение парциальности и целостности. «Парциальность замещает, опосредует, репрезентирует целостность, но не становится ею, так как поэзия, как и всякое искусство, есть синекдоха, *pars pro toto*. В нашем научном дискурсе целостность является примечательным реликтом, тесно привязанным к архетипу имперсональности» [Там же, с. 8]. Как всякий оригинально мыслящий человек, Юрий Николаевич остановился перед тайной бытия, заключенной в литературе. Прекрасно понимая невозможность эксплицировать истину в полном объеме, он сумел перевести ее значительную часть из состояния первобытного хаоса в упорядоченную парциальность филологических текстов, которым суждено пережить время их создания и создателя.

Список литературы

- Гаспаров М. Л.* Белый – стиховед и Белый – стихотворец // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи, воспоминания. Публикации. М., 1988.
- Гаспаров М. Л.* Очерки истории русского стиха. М., 1984.
- Сперантов В. В.* *Miscellanea Poetologica // Philologica.* 1996. Т. 3, № 5/7.
- Чумаков Ю. Н.* «Евгений Онегин» и русский стихотворный роман. Новосибирск, 1983.
- Чумаков Ю. Н.* Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999.
- Якобсон Р. О.* Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987.
- Smith J.* *The Stanza Forms of Russian Poetry from Polotsky to Derzavin: Thesis submitting for degree of PhD.* London, 1977.

Article metadata

- Title:* Yu. N. Chumakov and Russian versicle novel
- Author:* Yu. V. Shatin
- Author's e-mail:* shatin08@rambler.ru
- Author affiliation:* Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State Pedagogical University
- Annotation:* In this article the author makes an attempt to estimate contribution of famous philologist Yu. N. Chumakov to research of text and genre specific of «Eugeny Onegin». The author believes that the result of this research is mostly determined by the method of the scientist, who preferred to focus on

microelements of the text and only after it to extrapolate results on macrolevels and large structure blocks. Yu. N. Chumakov has shared the principal ideas of structuralism, but has understood the limits of this method. His method has resembled the research of Germanic scientist V. Izer who has considered the poetry as the reaction to global modifications of the world and the man. Analyzing «Eugeny Onegin», Yu. N. Chumakov convincingly showed semiotic features of text borders, related to their density and marking. As the result, the scientist was able to establish principle of dynamic balance of two independent and ineparable worlds of the author and the hero, and also to identify of original principle of ending formation which exists as completeness in the form of incompleteness. Yu. N. Chumakov has interested in the genesis of the Onegin stanza and its correlation with the genre of the versicle novel. At the beginning of 1980 years he has suggested me to find so called quasi- stanza of the Onegin stanza in early Pushkin's works. As result I have discovered the insertions of the traditial stanza of ode – ababccdeed – and one case of future Onegin stanza. Meanwhile in 1977 year English scientist J. Smith in his PhG thesis “The stanza Forms of Russian Poetry from Polotsky to Derzavin” has discovered stanza used before Pushkin's novel. Its author was Peter Shalikov, who has devoted his ode to Alexander I (1813). This ode resembles Pushkin's Onegin stanza with the different arrangement of clausals: aBaBccDDeFFeGG instead of AbAbCCddEffEgg. The observation of J. Smith allows to propose that ode stanza but not sonnet has become the source of Onegfn stanza. That is why the author of this article considers that the spread of Shalikov's stanza allowed solving a number of new problems in original genre which connected the Onegin stanza with unregular stanza, fragments of prose and empty places (“equivalents of text – term by Tynaynov). This thesis confirms the reflections by Yu. N. Chumakov about the free movement of word masses in Pushkin's versical novel. According to the researcher, principles of text structure of «Eugeny Onegin» created stable genre model, which influenced the works of poets of XIX–XX centuries, from «Eugeny Velsky» of M. I. Voskresensky to «Spectorsky» of B. L. Pasternak. In this article the author examines Chumakov's analysis of the poem “Mladenchestvo” (“Infancy”) by Vjacheslav Ivanov.

Keywords: poetic novel, density, marking, genre model, Onegin stanza.

Reference literature (in translation):

Chumakov Yu. N. “Evgeny Onegin” i russskij stihotvornyj roman. Novosibirsk, 1983.

Chumakov Yu. N. Stihotvornaja poetika Pushkina. SPb., 1999.

Gasparov M. L. Belyj – stihoved i Belyj – stihotvorec // Andrey Belyj. Problemy tvorchestva: Statji. Vospominania, Publicacii. M., 1988

Gasparov M. L. Oчерки istorii russkogo stiha. M., 1984

Jakobson R. O. Statuja v poeticheskoj mifologii Pushkina // Jakobson R. O. Raboty po poetike. M., 1987

Smith J. The stanza Forms of Russian Poetry from Polotsky to Derzavin. Thesis submitting for degree of Ph.G of University of London. 1977.

Sperantov V. V. Miscellanca Poetologica // Phlologica. T. 3, № 57